

Мариэтта ШАГИНЯН

«Петербург» Андрея Белого

Нет города с более странной репутацией, чем Петербург. Вырос он из ничего, как говорят дети, — по мановению гения. Но и выросши, успел сгубить многие десятки тысяч людей, проглоченные болотами, топями, водными стихиями, сыростью и лихорадкой; по стоимости человеческих жертв Петербург может сравниться разве что с одной только пирамидой Хеопса.

У Герцена есть очаровательный рассказ о том, как на почтовом перегоне между Петербургом и Москвой встретились, — словно два разных существа — коренной москвич и коренной петербуржец¹; этот рассказ без всякого преувеличения характеризует отношение к Петербургу прочих русских людей, не имевших счастья (или несчастья) в нем родиться. За бытовым разногласием следует общественное отрицание и порицание: стоит только вспомнить Хомякова, Аксакова, Киреевского... Все славянофильство сделало Петербург символом ненавистнического распада и растления русского духа. Потом пошли люди, чуждые славянофильского пафоса и романтизма, люди так называемой практики, т. е., иначе говоря, люди, только и делавшие всю свою жизнь, что писавшие умные статьи в толстые журналы и изо всех сил «выдувавшие» честное, либеральное направление; эти милые люди тоже возненавидели Петербург, но несколько по-иному: за сухость, за чиновность, за чопорность и еще за разные «независящие обстоятельства»; на смену этим людям пришли опять мистики с их сугубым проклятием Петербургу, с повторением на разные лады старого пророчества о том, что «Петербургу быть пусту»², с рассуждениями на тему об иллюзорности петербургского бытия. Гоголь и Пушкин, оба относились к этой «Северной Пальмире» не без жутки; Достоевский взял ее местом действия всех своих болезненно-странных романов; Мережковский прославился на Петербурге, без которого не мог бы создать своих антиномий и обобщений... И этот город небытия издавна был связан странными связями с психологией бунта; возник он наперекор стихиям по воле велико-

го революционера Петра: на Сенатской площади прозвучали первые выстрелы мятежа; Достоевский в своих карикатурных «Бесах» соединил тему революции с фантастической лихоманкой петербургской; то же самое вслед за ним повторил Ропшин в «Коне Бледном»³, Зинаида Гиппиус в «Чертовой кукле» и «Романе-царевиче»⁴, и, наконец, ныне то же самое повторяет и Андрей Белый.

Новое произведение Андрея Белого «Петербург» превосходит все предыдущие (в том числе и «Бесов») интуицией, роскошной тканью всей повести, тяжелым и вычурным богатством языка и, наконец, тою степенью реализма, до которой не мог дойти в «Бесах» даже великий Достоевский. Надо еще заметить, что москвич Андрей Белый сумел почувствовать в Петербурге начало, ускользнувшее от внимания коренных петербуржцев, начало доброе; он увидел розовые петербургские зори, тогда как до него мы знали только о зорях белых или о кровавых закатах... Но к розовым зорям Петербурга я еще вернусь.

Еще кое-чем отличается «Петербург» Белого от своих литературных прототипов: образом главного героя. Юрий Двоекуров, Жорж, Роман-царевич, Николай Ставрогин⁵ — все это восковые автоматы,двигающиеся и говорящие по-заведенному; их никогда не породила и не видела русская действительность; их породил лишь искусственный (именно искусственный, а не художественный) замысел авторов, желавших непременно воплотить разные отрицательные начала русского освобождения: сладострастие, фантастику, люциферианство, безбожие и т. д. Подобным футурализмом, к счастью, не заразился Андрей Белый. Герой его романа, Николай Аблеухов, самый настоящий человек с настоящим «характером», т. е. смесью всяких, дурных и благих возможностей, приводимых в исполнение без дирижерских указов автора, а по насущной нужде разыгрывающихся событий. Мало того, это человек в глубоком смысле современный, т. е. типичный упадочник, малодушный, безвольный, трусливый, мелко-похотливый, жалобный и жалкий; таким он вышел почти без воли (или даже против воли) творца, — ведь все симпатии Андрея Белого сосредоточиваются на этом межеумке, сенаторском сынке; автор даже посылает его, по развязке романа, в Египет, для изучения теософской премудрости, чем придает Николаю Аблеухову черты автобиографические⁶, подобно тому, как некогда, посылая своего ублюдка Печорина на Кавказ, придавал ему интимное тожество с собою Лермонтов. Уже эта маленькая, но полная жизни черточка говорит нам, насколько произведение Белого существенно отличается от надуманных и предвзятых эпопей революции.

Еще замечу: все прежние бытописатели революции имели в виду, главным образом, самое революцию и проведение какой-

нибудь одной по поводу ее мысли; настроенные отрицательно (Достоевский) искали в ней бесовское начало и не жалели красок, чтоб обнаружить бесов перед глазами читающей России; настроенные положительно (Гиппиус, Ропшин) тоже искали этих бесов, чтобы отделить их от предполагаемых «ангелов», чтобы сдуть шелуху с пшеницы, чтобы разъяснить незадачливость, указать новые пути... Выдуманные бесы препирались с выдуманными ангелами; планы новых путей походили на карандаш, рисующий по небу; описание путей старых напоминало «спор древних греков об изящном» Козьмы Пруткова⁷. Для русского освобождения еще и теперь не родился летописец; оно вершится не ангелами, не бесами, но людьми; человечность — для русского литераторского пера все еще идеал недостижимый, бывший по плечу разве что одному Пушкину. В этом смысле мало удовлетворителен и роман Белого. Но у него есть преимущество: ему, в конце концов, нет никакого дела до революции; он абсолютно ни на что не указывает и ничему не хочет учить в этой области; он тут сознательно дилетантичен; для него революция не есть «тема», как для предыдущих романов, а только «сюжет», фабула, содержание, как наиболее пригодное для выражения основной, ничего общего с революцией не имеющей, темы. Обратимся теперь к самому роману.

Дело происходит в Петербурге, в семье Аполлона Аполлоновича Аблеухова, сенатора. Глава семейства, сухенький, слабенький старичок, облеченный высоким званием и в скором времени долженствующий занять ответственный пост. Старичок этот в быту совершенно безобиден и даже идиотичен; сухие большие растопыренные уши по обе стороны лысой головы делают его похожим на кретина, он живет по расписанию, старчески расслаблен, блюдет себя, как все постаревшие чиновники, и любимую свою забаву почитает разную невинную игру слов (вроде каламбуров с графом и графином и т. д.), которую он немало досаждал лакеям и швейцарам.

Супруга сенатора, дама пожилая, полная и сантиментальная, была несчастлива в супружестве. Этим она оправдывает свой последний проступок: пылкое увлечение каким-то иностранным тенором и бегство с ним в Испанию. Старик-сенатор горько чувствует эту утрату, но во всем остальном аппарансы⁸ спасены и особняк Аблеуховых продолжает жить, как жил раньше: сенатор продолжает ездить в учреждения, а сынок его, Николай Аблеухов, вести себя подозрительно.

Этот молодой человек, при первом знакомстве с читателем, закомендовывает себя с самой неопределенной и мало симпатичной стороны. Впоследствии, из отрывочных лоскутков, мы отчасти уясняем себе его *curriculum vitae**: он вырос избалованным

* хроника жизни; краткую биографию (лат.).

сенаторским сыном; никаких особенных талантов и умственности не проявил, хотя кое-какие его друзья дают ему аттестацию «ясной головы», «широкого философского ума» и т. д.; вероятно, кончает филологический факультет; влюблен в жену своего бывшего друга, офицера Лихутина, и состоит с нею в близости; увлекается, но несколько трусливо, освободительным движением; не чужд мистики; увлекается, но, видимо, неглубоко, германской философией и в частности Кантом. Впрочем, и Кант, и освободительное движение нужны не то «на затычку» пустых психологических страниц его души, не то для последующего водворения его в Египет после разочарований во всем предыдущем. Этот пункт, вообще говоря, у Белого неясен и наименее художественен; места же, где он заговаривает теософским языком, еще менее художественны и кажутся нелепыми и непонятными, грубо-неумелыми швами, связующими тонкую и драгоценную ткань романа.

Николай Аблеухов где-то с кем-то познакомился. По молодости лет и по трусливой шаткости своего характера, он надавал обещаний «способствовать» и «помогать», которых в глубине души смертельно боится и надеется никогда не выполнить. Но именно из этих, без убеждения, без мужества и налету данных обещаний и вырастает вся последующая жуткая сумятица, разворачивающаяся перед читателем. Чтобы понять эту сумятицу, надо отчетливо припомнить, как и каким представлено у Андрея Белого русское освободительное движение.

Оно олицетворено в нескольких лицах, каждое из которых страшно много суетится и при ближайшем рассмотрении ровно ничего не делает. Лица эти расположены пирамидой; внизу, у основания, помещены исполнители; это люди честные, искренно верующие и хотящие, — студент Александр Иванович Дудкин, курсистка Варвара Евграфовна да сам Николай Аблеухов. Студент Дудкин — нервозен, мнителен, суеверен, — его участие в деле выражается горячкой, которую он схватил и благодаря которой он то действительность превращает в бред, то бред в действительность. Курсистка Варвара Евграфовна — очень нескладная, очень сантиментальная, добропорядочная и, должно быть, воспитанная на Писареве и Чернышевском, пишет плохие стихи, носит записки, ходит на митинги и в глубине души равнодушна к Николаю Аблеухову. Эти «исполнители» верят, но ровно ничего не знают; ими дирижируют откуда-то сверху. Этажом выше над ними помещается промежуточная область — область слухов; в ней не видно ничьего лица, она ни в ком не воплощена, но в ней запутываются и от нее расходятся все ниточки; в этой области слухов носится, что где-то что-то готовится; и время от времени из этой области падает на кого-нибудь обвинение в провокации. Эта таинственная священная область держит гг. исполнителей в страхе

и трепете и постоянно незримо воздействует на их жизнь. Еще выше помещается блестящий газетный сотрудник, великолепный митинговый оратор, человек с политической репутацией, некто Нейнтельпфайн. Он играет роль зажигателя и вовлекателя; в него влюбляются митинговые барышни; за ним идут рабочие. Но этот Нейнтельпфайн, как, впрочем, уже ясно из его фамилии (нейн тейль — девятое отделение) — один из деятельных служителей охранки. Еще выше венцом пирамиды является некто Липпанченко, душа всего освобождения, толстый человек, любящий детей и музыку, живущий с еврейкой по финляндской железной дороге, посвященный во все и посвящающий простых смертных в революцию, гроза своей партии, умница, деловик, практик и... провокатор. В нем завершается и начинается все. Такова, по Андрею Белому, схема русского освободительного движения.

С вершины пирамиды, волею Липпанченко, заваривается жуткая каша; Александр Иванович Дудкин, нелегальный, в один прекрасный вечер является к Николаю Аблеухову и напоминает ему его обещание. Бедный Аблеухов готов на попятный; его узкая голова кретина ужасается от сваливающейся ответственности и не имеет сил выработать какую-нибудь форму отказа. Он любезно юлит. По поручению главы партии, Липпанченко, ему оставляют на хранение бомбу, маленькую бомбу с часовым механизмом, запрятанную в коробку из-под сардин. Устройство этой бомбы таково: если завести часовой механизм, то через 24 часа произойдет взрыв.

Николай Аблеухов трепещет от присутствия ужасной сардинницы. И в то время как Дудкина, на его чердаке, посещают горячие видения, — он невольно, следуя мыслью за мыслями своих неожиданных товарищей, приходит к возможности отцеубийства. Покушение на отца превращается в кошмар Николая Аблеухова. Вниманию всей партии устремлено на старика сенатора, который в скором времени займет исключительный пост. Его особу усиленно охраняют. Не подозревая ничего, старый и жалобный, всей своей хилой организацией напоминающей «куренка» (по выражению Белого), сенатор продолжает ездить в «Учреждения», обедать с Коленькой и каламбурить с лакеями. Липпанченко в это время выматывает и разбрасывает две нитки: он передает Аблеухову на балу, через хорошенькую Софи Лихутину, возлюбленную Николая, категорическую записку, в которой ему, Николаю Аблеухову, предписывается партией не медлить с отцеубийством, и тут же, на балу, через своего агента, уведомляет сенатора о готовящемся на него покушении.

У Софи Лихутиной — унылый и долговязый муж; он переносит измену жены с горьким, но мужественным терпением и не порывает отношений с Николаем Аблеуховым, бывшим своим другом

детства. Случилось так, что роковую записку, отданную его жене для передачи Аблеухову, прочитал и он: в душе его поднялась целая буря; в смятении просит он жену не ездить на бал; но капризная, своевольная брюнетка, давным-давно не считающаяся с мужем, в негодовании отклоняет его просьбы. Когда она уезжает, он клянется себе честью офицера не пускать обратно жену. Тягостный, мутный, мокрый вечер, нависший над Петербургом, злое еще завладевает и душою бедного Лихутина. Он выгоняет прислугу из квартиры и в порыве нелепых ощущений бреет бороду, чтоб легче было повеситься, намыливает веревку и вешается на гвозде, в своем кабинете.

Маскированный бал в разгаре. Красное домино получает от мадам Помпадур роковое письмо и прочитывает его. Софи сама в ужасе от того, что она сделала: мертвенно-бледный, с приподнятой маской, бежит Аблеухов с письмом в руках через всю танцевальную залу и скрывается. Гости растеряны; бал окончен. Все разъехались в мгновение ока. Бедная Софи мечется по комнатам, спасаясь от преследующего ее Липпанченко, тоже присутствовавшего на балу, и сталкивается с тихой, длинной белой фигурой, медленно выходящей из анфилады комнат. Белое атласное домино прикладывает палец к губам и зовет ее за собой. Чувствуя странную радость и доверие, следует Софи за незнакомцем, так напоминающим ей ее мужа. Он надевает драное пальтишко, провожает ее на улицу и сажает на извозчика. Нежный, густой голос кажется ей странно-знакомым, но это не голос ее мужа. Она приезжает, долго звонит, слышит какой-то стук, падение; ужас завладевает ею, и, устав кричать и стучаться, она опускается перед дверями. Муж ее, поручик Лихутин, открывает наконец дверь. Бритое лицо выглядит идиотически; шея вспухла: он недоповесился, крючок не выдержал его тяжести. Софи в возрастающем ужасе пробегает по темной квартире и при бледном утреющем рассветном небе разглядывает — бритое лицо мужа, опрокинутый стул, осыпавшуюся штукатурку и петлю. Что-то сжимает ее сердце; встает странно-близкое, словно недавнее ощущение; проходит по душе радость, жалость и нежность. Она плачет над петлей, видит подле себя тихую, тощую фигуру мужа, обнимает его колени, просит прощенья... Муж плачет и смеется с нею: оба не могут не плакать и не смеяться: с сердца снята страшная, космическая тяжесть, над ними — в небе — смеются «легчайшие розовые пламена». Вот когда плывут над Петербургом «розовые зори», счастливые зори освобожденья от мук и обетованья добра. Как будто с космическими улыбками неба расколдовывается весь Петербург и добрые ангелы ходят по улицам, сея добро во всех сердцах; на одну эту ночь мгновенно приостанавливаются чары Липпанченко; белое атласное домино, Тот, Кого забыли, Кого неустанно распи-

нают, а потом призывают, ходит по опустелым залам, приложив палец к губам; сенатор Аблеухов, забыв старость и подагру, рыцарски освобождает подросточка с окраины от когтей ночного хищника; Софи примиряется с своим обиженным, долговязым и милым мужем... А все оттого, что черная пелена туч разорвана и над Петербургом «смеются легчайшие пламена» утренней зари.

Но розовые зори потухли и опять началось колдовство. Аблеухову закрыты пути бегства из партии. Он заводит роковую сардинницу и забывает ее у себя в столе; старик сенатор находит ее у сына и, ничего не подозревая, несет к себе в кабинет, заинтересовываясь ее содержанием. Дико и ужасно проводит молодой Аблеухов часы в поисках злополучной сардинницы; неожиданно приезжает из Испании его мать, — постаревшая и осунувшаяся героиня «романа с тенором», грустно и нежно обедают они втроем: грешная мать, простивший старик и несчастный сын, делающийся с каждой минутой отцеубийцей. Но в последнюю минуту вожжи в руках погонщика событий, Времени, — ослабевают: бомба взрывается, никого не убив, сенатор уезжает умирать в деревню, а его сын — изучать древнюю мудрость в Египет...

Такова фабула этого замечательного романа. Говоря философским языком, тема его — проповедь самого крайнего, самого безнадежного детерминизма (т. е. несвободы воли). Человек — только игрушка в руках стихий, никакое внутреннее усилие не прорвет плена; элементы вертят человеком, события закручивают его пути, — и только тогда он благ, когда благодатны силы, им завладевшие; тогда он добр, когда доброю задышало над ним небо. В этой психологии «каков господин, таков и слуга», рискованно завладевшей Андреем Белым, таится гибель человеческого. И тут не поможет никакая наука! Ничему не научит Египет Николая Аблеухова! Его могла бы научить только одна мудрость: *Царствие Божие усилием нудится.*

